

наставления по вопросам воспитания, составленные таким образом, не представляли редкого явления в нашей древней литературе. Не исключена также возможность, что этот материал в какой-то мере входил в состав более ранних рукописных учебников грамоты, так как сентенции религиозно-нравственного характера, заимствованные из различных церковных книг, занимают большое место в азбуках-прописях, известных в настоящее время по спискам XVII в.¹⁷⁷ Но, в отличие от редакции первопечатного учебника, между отдельными сентенциями, приведенными в азбуках-прописях, как правило, отсутствует всякая логическая связь. Манера использования библейских выдержек, усвоенная печатной Азбукой, восходит к литературным произведениям другого вида — к наставлениям педагогического характера, изложенным в связной, логической форме. Ради этой связности изложения составитель Азбуки сохранил несколько устаревшую редакцию ветхозаветных и апостольских текстов, так как, отредактировав их заново по Геннадиевой Библии и печатному Апостолу, он был бы вынужден разрушить всю кропотливую мозаичную работу предыдущих компиляторов, авторов наставлений. Этого не случилось, так как для содержания учебника в данном случае была важна дидактическая сторона использованных текстов, а не их отношение к редакции богослужбных книг того времени. Конструкция последнего раздела Азбуки позволяет предположить, что для него было использовано не одно, а во всяком случае не менее двух старинных руководств по вопросам воспитания, связанных с литературными традициями Московской и Юго-Западной Руси. Редакторская работа над данным разделом учебника должна была заключаться прежде всего в определенном отборе материала. В этом отношении обращает на себя внимание тематика сентенций религиозно-нравственного содержания, вошедших в Азбуку. Замечательно, что из всех приведенных здесь выдержек из Ветхого завета всего лишь две сентенции — «Не сотвори насилия убогому...» и «Не дотыкайся межей чужих...»¹⁷⁸ — не имеют никакого отношения к специальным педагогическим темам. И обе они наполнены совершенно одинаковым смыслом, направленным против злоупотреблений со стороны «сильных мира сего». Такие устремления как нельзя лучше подходили для той социальной среды и политической обстановки, которые вызвали к жизни издание Азбуки. Поэтому наличие вышеупомянутых текстов в учебнике Ивана Федорова представляется нам результатом сознательного выбора, в котором прежде всего отражены взгляды составителя Азбуки. Гуманистическая направленность, имеющая место в книге, проявилась также и в подборе наставлений для родителей. Как было отмечено выше,¹⁷⁹ тексты апостольских посланий, включенные в учебник, в противовес ветхозаветным выдержкам рекомендуют воспитание в духе христианской кротости и милосердия. К этому нужно добавить, что представленные здесь цитаты из Ветхого завета хотя и проповедают необходимость телесных наказаний для детей, однако же не содержат тех указаний на жестокие исправительные меры, связанные с «укашением ран» и «сокрушением ребер», которыми богаты отдельные главы Измарагда¹⁸⁰ и даже Домостроя,¹⁸¹ прошедшего редакцию середины XVI в. Таким образом, педагогические наставления первопечатной Азбуки отражают те изменения общественно-бытовых нравов, которые на

¹⁷⁷ БАН, 26.5.380 (1624 г.).

¹⁷⁸ R. Jakobson, фототипии pp. 69, 70.

¹⁷⁹ См. стр. 222 настоящей статьи.

¹⁸⁰ Н. А. Лавровский, стр. 5.

¹⁸¹ Домострой, стр. 15.